

Brandner, Aleš

Вариантные формы у существительных мужского рода в Gsg, Lsg, Npl

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2007, vol. 56, iss. A55, pp. [143]-151

ISBN 978-80-210-4335-0

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100965>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АЛЕШ БРАНДНЕР

ВАРИАНТНЫЕ ФОРМЫ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА В GSG, LSG, NPL

Язык в ходе своей истории меняется. Самым устойчивым, глубинным ярусом языковой системы является морфология. Она строго организована и обладает понятиями и категориями, развивающимися по внутренним законам. Морфологический строй языка характеризуется минимальной восприимчивостью к внешним явлениям и чрезвычайно медленной изменчивостью, значит, движение в морфологии осуществляется крайне медленно. Однако устойчивость не есть неподвижность. В морфологии живого языка постоянно наблюдаются изменения отношений внутри системы (ср. Валгина, 2003, 154). Изменения в морфологическом строе языка обнаруживаются в расширении или сужении круга вариантных форм, т. е. словоизменительных вариантов. Морфологическая вариантность всегда категориальна – это варианты форм грамматического рода, варианты падежных форм, числа и т. д. Движение форм внутри предусмотренных самим языком рамок осуществляется путем борьбы вариантных форм, вытеснения одной формы другой. Такая постепенная, неспешная замена одних конкурирующих форм другими ведет в морфологическом строе в течение большого промежутка времени к становлению определенных, важных с точки зрения употребления и изучения языка тенденций развития, затрагивающих всю морфологическую систему (ср. Горбачевич, 1978, 3-5; Валгина, 2003, 26-32).

Современный русский литературный язык характеризуется обилием разнообразных стилистических и грамматических вариантов, параллельных, синонимических форм. Большой интерес представляют собой параллельные формы *Gsg*, *Lsg* и *Npl* у существительных мужского рода. При рассмотрении этих вопросов языка следует иметь в виду, что литературная норма – это явление историческое, меняющееся на протяжении истории развития языка.

Вопрос о параллельных формах *Gsg* и *Lsg* привлекал всегда внимание языковедов. Специальные разделы в работах по исторической грамматике освещают историю появления и функционирования этих форм (ср. Шахматов, 1957, 241; Иванов, 1983, 267-269; Янович, 1986, 142-145). Су-

существующие в современном литературном языке формы *Gsg* на $\langle =u \rangle$ параллельно с формами на $\langle =a \rangle$, а также формы *Lsg* на $\langle =u \rangle$ рядом с $\langle =e \rangle$ являются реликтами бывшего склонения существительных основ на $\ast\text{-}\dot{y}$ типа *сынъ*. Эти существительные в *Gsg* и *Lsg* имели окончание $\langle =u \rangle$, между тем как существительные муж. р., относящиеся к основам на $\ast\text{-}\dot{o}$, имели в *Gsg* окончание $\langle =a \rangle$, в *Lsg* окончание $\langle =e \rangle$. В связи с тем, что слова, например, *столь* и *сынъ*, относившиеся к разным типам склонения, по форме *Nsg* не различались, оба эти типа стали сближаться друг с другом, взаимно воспринимая окончания косвенных падежей. В результате взаимовлияния древних типов склонения, смешения падежных форм этот тип склонения растворился в склонении существительных основ на $\ast\text{-}\dot{o}$, так что малочисленная группа слов, склонявшихся по типу *сынъ* в процессе взаимодействия двух склонений утратила свои прежние формы и приобрела формы слов типа *столь*. Однако ее прежние формы не исчезли бесследно. Формы *Gsg* и *Lsg* на $\langle =u \rangle$ продолжали существовать рядом с новыми формами, получив особые функции (ср. Иванов – Потиха, 1985, 72-73).

Взаимодействие основ на $\ast\text{-}\dot{o}$ и основ на $\ast\text{-}\dot{y}$ началось еще в дописьменный период и заключалось в постепенном перетягивании слов, принадлежащих по своему образованию к основам на $\ast\text{-}\dot{y}$, в круг слов, которые принадлежали к основам на $\ast\text{-}\dot{o}$. Из довольно многочисленной группы имен с основой на $\ast\text{-}\dot{y}$, которую выделяют языковеды-компаративисты для праславянского периода, в период древнейших памятников русского языка лишь около десяти слов более или менее последовательно изменялись по этому типу склонения: *домъ*, *сынъ*, *поль* „половина“, *медъ*, *вѣрхъ*, *воль*, *даръ*, *иль*, *оль* „всякий хмельной напиток, кроме виноградного вина“, *долъ*, *редъ*, *чинъ*. Но и эти слова в памятниках XI-XII вв. нередко образуют в *Gsg* и *Lsg* падежные формы по типу склонения на $\ast\text{-}\dot{o}$. По мере разрушения этого древнего типа склонения его отдельные формы оказывают заметное влияние на более продуктивное и многочисленное склонение существительных с основами на $\ast\text{-}\dot{o}$ в единственном числе (ср. Соколова, 1962, 100-105). Таким образом, окончание $\langle =u \rangle$ *Gsg* и *Lsg* получило широкое распространение в вост.-слав. говорах и закрепилось в системе русского литературного языка (ср. Янович, 1986, 143).

Что было причиной, что оказалось решающим для широкого проникновения окончания $\langle =u \rangle$ из основ на $\ast\text{-}\dot{y}$?

Одни языковеды (А. А. Шахматов, Л. А. Булаховский) считали решающими факторами семантические признаки древних основ на $\ast\text{-}\dot{y}$, так как в кругу этих имен было немало слов, обозначающих вещества (ср.: *медъ*, *иль*, *оль*). Это же значение вещественности присуще многим словам с основой на $\ast\text{-}\dot{o}$ (ср.: *воскъ*, *хмель*, *льнь*, *горохъ*). Другие исследователи бóльшее значение придавали акцентологическому фактору. Так, С. П. Обнорский считал, что влияние основ на $\ast\text{-}\dot{y}$ распространялось вна-

чале на те неодушевленные имена с основами на *-*ǫ*, которые обладали таким же типом ударения, какой был свойствен основам на *-*ǫ*.

Другой вопрос этой проблемы заключается в том, чтобы выяснить, что содействовало закреплению флексий <=*a*> и <=*u*> как флексий *Gsg* в системе грамматических норм русск. лит. яз. Показания письменных памятников последующих веков, а также данные говоров свидетельствуют о широком употреблении этих окончаний. Предполагается, что с самого начала здесь действовал фактор семантической дифференциации существительных вещественных и собирательных. Это различие было, видимо, толчком для использования разных флексий. С течением времени на такое семантическое противопоставление накладывалось противопоставление грамматическое, развивавшееся в языках, различие в одном родительном падеже двух падежей с разными грамматическими значениями и разными формальными показателями: родительного количественного на <=*u*> для обозначения некоторого количества вещества и родительного отложительного (неколичественного) с флексией <=*a*>. Значит, формы *Gsg* на <=*u*> принимали неодушевленные существительные муж. р. со значением вещества при обозначении части целого (ср.: *килограмм сахара, мешок рíсу*), собирательные (ср.: *много наро́ду, мало сне́гу*) и отвлеченные (ср.: *нагна́ть стра́ху, наговори́ть вздо́ру*).

Широкому распространению двух форм *Gsg* в свое время способствовала стилистическая противопоставленность форм типа *цвѣта – цвѣту, дѹха – дѹху* и др. На протяжении XV-XVIII вв. шла борьба за вытеснение форм <=*a*> формами <=*u*>. Особенно широко окончание <=*u*> было распространено в русском языке XVIII в. Известно, что М. В. Ломоносов в своей „Российской грамматике“ разграничивал области употребления этих двух окончаний с точки зрения стилистической, полагая окончание <=*a*> принадлежностью „высокого штиля“, а <=*u*> – „низкого“. В современном русск. яз. окончание <=*u*> более ограничено в своем употреблении, однако вполне закономерно в определенных случаях. В русских говорах форма *Gsg* на <=*u*> распространена значительно шире: она может охватывать и существительные муж. р. одушевленные (ср.: *без отцѹ́, у бра́ту*), и слова ср. р. (ср.: *от ста́ду, до не́бу*). Таким образом, современная форма *Gsg* с окончанием на <=*u*> обязана своим возникновением наличию в прошлом особого типа склонения, позже утратившегося в русск. яз. (ср. Янович, 1986, 144-145). В современном языке последовательность в применении форм на <=*u*> очень часто нарушается (ср. Домин, 1963). Как правило, данные формы в отличие от нейтральных форм на <=*a*> стилистически несколько снижены, носят разговорную окраску.

Таким же образом – из склонения основ на *-*ǫ* – в формы существительных с основой на *-*ǫ* проникала флексия местного падежа (теперь предложного) ед. ч., распространение которой в кругу некоторых имен муж. р. способствовало грамматической дифференциации двух падежных значений: местного – с флексией <=*u*> (ср.: *в лесѹ́, на мостѹ́*), и изъяснительного – с флексией <=*e*> (ср.: *о лѣсе, о мѹ́сте*).

Формы *Lsg* на $\langle =u \rangle$ употреблялись для выражения пространственно-временных значений и только с предлогами *в*, *на*. В др.-русск. яз. эти формы встречались значительно шире, чем теперь. Очень часто они засвидетельствованы в XVIII в. в период выработки норм русск. лит. яз. На их широкое распространение в русск. яз. XVIII в. указывал также М. В. Ломоносов, отмечая, что эти формы свойственны живому, народному языку. К середине XIX в., в период завершения процесса нормализации нового русск. лит. яз., употребление этих форм было уже значительно ограничено. Нормализация языка в это время шла по линии упорядочения и сокращения разнообразных грамматических форм, устранения дублетов (ср. Горбачевич, 1971, 170).

Последнее издание академической грамматики русск. яз. и другие пособия по современному русск. яз. рассматривают формы *Gsg* и *Lsg* на $\langle =u \rangle$ в разделах об особенностях склонения (ср. Шведова, 1980, 486-489; Шведова – Лопатин, 1990, 167-169; Розенталь – Теленкова, 1976, 147-148; Валгина – Розенталь – Фомина, 2001, 173-174). Литературно-нормативными для современного русск. яз. считаются формы *Gsg* на $\langle =u \rangle$ для: 1) вещественных существительных при обозначении части целого (ср.: *достать чаю, купить сахару, принести винограду, добавить клюю, принести меду, прибавить кипятку; тарелка бульону, стакан лимонаду; много дыму, мало снегу* × если при существительном стоит определение, потом: *стакан крепкого чая, пачка душистого табака*; подобно не в количественном значении: *плантация чая, сладость сахара, урожай картофеля, производство сыра, цвет снега, посев риса*), 2) отвлеченных и собирательных существительных (ср.: *наделать шуму, нагнуть страху, наговорить вздору; много народа, мало капитала, доходу, долгу*), 3) наречных конструкций с предлогами *из*, *от*, *с* при глаголах удаления или причины (ср.: *уйти из дому, упустить из виду, двадцать лет от роду, крикнуть с испугу, умереть с голоду*), с предлогом *до* в значении предела, достижения (ср.: *танцевать до упаду, нужно до зарезу*), с предлогом *без* в адвербиальных сочетаниях (ср.: *брат без разбору, войти без спросу, говорить без умолку*), с частицей *ни* в фразеологических оборотах (ср. *не был ни разу, ни слуху ни духу, ни шагу дальше*), 4) некоторых отрицательных конструкций (ср.: *нет снегу, не показывать виду, не хватает духу, откату не было*), 5) некоторых фразеологических оборотов (ср.: *без году неделя, без роду, без племени, конца-краю нет, не до смеху, с глазу на глаз, что есть духу, прибавить шагу, сбиться с толку* и др.).

Сравнительно до недавнего времени эти формы в вышеуказанных случаях употреблялись весьма последовательно. Многие лингвисты даже стремились выделить в пределах *Gsg* особый падеж – количественно-отделительный (ср. Виноградов, 1972, 145) или родительно-разделительный (ср. Шахматов, 1941, 317). Современный московский русист Б. А. Успенский обращает внимание на то, что т. наз. родительный партитивный образуется от ограниченного набора слов и не имеет формы мн. ч. (ср. Успенский, 2004, 11). Однако употребление форм на $\langle =u \rangle$ за последние десятилетия

несколько изменилось. В современном лит. яз. формы на $\langle =u \rangle$ все больше вытесняются формами на $\langle =a \rangle$. Формы на $\langle =u \rangle$ в подавляющем большинстве случаев выступают как варианты наряду с формами флексий $\langle =a \rangle$. Касается это сочетаний, выражающих части целого (ср.: *стакáн чáя, кусóк сáхара, добáвить горóха, прибáвить кипяткá*). Они обозначают то же количественное значение. При возможности употребления с одинаковым значением обоих окончаний формы на $\langle =u \rangle$ имеют разговорный или, наоборот, устарелый характер.

Вышеупомянутая последовательность стала также нарушаться в области существительных отвлеченных и собирательных. В настоящее время все чаще встречаются эти слова в форме $\langle =a \rangle$. Употребление вариантов $\langle =u \rangle$ свойственно разговорному стилю речи. В художественной литературе встречаются обе формы в одинаковых грамматических условиях. В этих случаях формы на $\langle =u \rangle$ стилистически окрашены в отношении к более нейтральным формам на $\langle =a \rangle$ (ср.: *Стóлько нарóда! × Нарóду бýло мнóго; Не поднимáть шýма × Подн́имется мéньше шýму*).

В наречных конструкциях с предлогами *от, с* в причинном значении выступает после предлога *от* окончание $\langle =a \rangle$, после предлога *из* – окончание $\langle =u \rangle$ (ср.: *умерéть от гóлода × с гóлоду; сдéрживаться от смéха × померéть сó смеху; обезумéть от стрáха × дрожáть со стрáху*).

Сравнительно устойчиво употребление обоих вариантных форм *Gsg* у немногих конкретных существительных с предлогом *из*. Сюда относятся сочетания *íз дому* и *из дóма*, *íз лесу* и *из лéса*. Последовательность употребления форм на $\langle =u \rangle$ в этих случаях отчасти поддерживается здесь и смысловым разграничением: *вýйти íз дому* означает „выйти из своего дома“ (т. е. места, где человек проживает), а *вýйти из дóма* может обозначать „выйти из строения определенного типа“ (т. е. из дома, а не, допустим, из гаража) или „выйти из определенного дома“; *íз лесу* употребляется в значении места, *из лéса* – означает „из материала“. Однако и здесь эта последовательность нарушается, причем окончание $\langle =a \rangle$ все чаще заменяет собой окончание $\langle =u \rangle$ (ср.: *уход́ить у́тром из дóма, верн́уться пóздно из лéса*).

Употребление форм на $\langle =u \rangle$ обязательно в двух случаях: во-первых, это в вышеназванных застывших оборотах вроде *с глáзу на глаз, с чáсу на час* – употребление этих фразеологических оборотов закреплено традицией и почти не подвергается изменению; во-вторых, в имеющих ударение на флексии формах *Gsg* с количественным значением у уменьшительных существительных (ср.: *вýпить чайкú, коньячкú, кофейкú; поéсть сахаркú, сыркú*; далее у некоторых слов с безударной флексией (ср.: *бутýлка кеф́ирчику, кани́стра бенз́инчику*). Нормальной оказывается форма *Gsg* на $\langle =u \rangle$ в количественном значении в позиции главного члена в таких предложениях, как *Дýму полнó, Свéту мáло, Нарóду тол́ны, Тол́ку никакóго, Сне́гу!, Шýму!, Ну и нарóду!, Чáю!, Квáсу бы!*

Возможность употребления в современном литературном языке в одинаковых грамматических условиях обоих вариантов свидетельствует о том,

что стираются функциональные и смысловые различия, обуславливающие употребление той или иной формы. При таком положении вещей функция Gsg на $\langle =u \rangle$ сводится к функции стилистического варианта формы на $\langle =a \rangle$ (ср. Шведова, 1980, 488).

Lsg на $\langle =u \rangle$ употребляется с предлогами *в, на* в значении места (ср.: *в лесу́, в краю́, в кругу́, в порту́, на берегу́, на ветру́, на мосту́, на лугу́, на носу́, на балу́*), времени (ср.: *в году́, во второ́м часу́*), состояния (ср.: *в бреду́, в цвету́, на ходу́, на лету́*), в словах, обозначающих вещество, массу, материал (ср.: *паркeт на клею́, пряник на меду́, весь в снегу́, пальто́ на шелку́, куртка́ на меху́*), а также в устойчивых сочетаниях наречного характера (ср.: *бельмо́ на глазу́, оста́ться в долгу́, на краю́ гибели, на подно́жном корму́, идти́ на поводу́, вари́ться в со́бственном соку́, быть на хоро́шем счету́, на ка́ждом шагу́, жить в ладу́, хлеб на корню́*). При этом наблюдается перенос ударения на окончание. Речь идет об ограниченной группе неодушевленных существительных муж. р. первого склонения, чаще всего с односложной основой (ср. Шведова, 1980, 488-489). В немногих случаях окончание $\langle =u \rangle$ выступает в именах собственных (ср.: *в Крыму́, на Дону́*).

Рассматриваемые формы могут различаться по смыслу: формам на $\langle =u \rangle$ присущи обстоятельственные значения, а формам на $\langle =e \rangle$ – объектное значение (ср.: *расте́т в лесу́ × разбира́ться в ле́се, находи́ться в боево́м строю́ × найти́ в стро́е просто́го предложéния, гуля́ть в лесу́ × игра́ть роль в „Ле́се“ А. Н. Остро́вского, был на Дону́ × был на „Тихом До́не“ (название кинокартины), роди́лся в 1918 году́ × описа́ние собы́тий в „Восемна́дцатом го́де“ А. Н. Толсто́го, рабо́тать в саду́ × в „Вишнево́м са́де“ А. П. Че́хова*).

На выбор одной из вариантных форм влияет лексический состав сочетания, степень слитности его компонентов, употребление слова в прямом или переносном значении и т. д. (ср.: *рабо́тать на дому́ × но́мер на до́ме, весь в жиру́ × пла́вать в жи́ре, на са́мом краю́ × на перéднем кра́е, в кругу́ друзéй × в за́мкнутом кру́ге, на ли́сьем меху́ × снежи́нки блестя́т на ме́хе, на мысу́ реки́ × на мы́се Дóброй Наде́жды, весь в поту́ × трудо́ться в поте́ лица́, сто́ять в углу́ × в у́гле треу́гольника, сад в цвету́ × в цве́те лет*).

В том случае, когда при существительном имеется определение, вместо окончания $\langle =u \rangle$ возможна флексия на $\langle =e \rangle$ (ср.: *на ветру́ × на свозно́м ветре́, в снегу́ × в пуши́стом сне́ге*).

В ряде случаев употребительны оба окончания без изменения значения (ср.: *в цеху́ – в цéхе, в отпу́ску – в отпу́ске, на холоду́ – на хо́лоде, в дыму́ – в ды́ме, на краю́ – на кра́е, в супу́ – в супе́, на снегу́ – на сне́ге, в шелку́ – в шёлке, в тазу́ – в та́зе и др.*). Они разграничиваются стилистически или семантически. В каждом из двух сопоставляемых сочетаний второе (с флексией $\langle =e \rangle$) несет оттенок книжности или устарелости, первое (с формой на $\langle =u \rangle$) – стилистически нейтрально или относится к речи разговорной, профессиональной либо специальной.

Что касается употребления флексий на $\langle =u \rangle$ в *Lsg*, то к нашему времени их употребление значительно сократилось. Данную форму можно наблюдать у ограниченного количества существительных. Таким образом, мы имеем дело с непродуктивным типом в словоизменении.

К настоящему времени применение двух родительных и двух предложных падежей в русск. яз., по исследованиям лингвистов, значительно сократилось. Особенно это заметно в *Gsg*, где происходит часто смешение форм и окончание $\langle =u \rangle$ вытесняется окончанием $\langle =a \rangle$.

Другого характера изменения происходят в области *Npl* существительных муж. р. В XV в. наряду с окончанием $\langle =i \rangle$ начало проникать новое окончание $\langle =a \rangle$ из *Ndu*. Первоначально оно закрепилось у существительных, обозначающих парные предметы (ср. *рукава́, бокá, берега́, глаза́*), а затем активно оно стало распространяться и на существительные без такого значения. За последние два столетия значительно выросло число слов, принимающих в *Npl* ударяемое окончание $\langle =a \rangle$ (ср. Розенталь – Теленкова, 1976, 154). Группа этих слов не имеет четких семантических и морфологических характеристик. Данная форма образуется преимущественно от существительных, называющих неодушевленные предметы и – реже – от названий лиц. Для современного русск. яз. это явление продуктивное. Основной приметой этих слов является их акцентная характеристика: это слова с ударением на основе в ед. ч. и на флексии – во мн. ч. Сферой употребления окончания на $\langle =a \rangle$ в тех случаях, когда они выступают как варианты, является разговорная и профессиональная речь.

В современном литературном языке флексия $\langle =a \rangle$ может выступать:

1) как невариантная, единственно возможная или очевидно преобладающая (ср. *адреса́, вечера́, города́, докторá, дома́, колокола́, леса́, лугá, мастера́, паспорта́, поезда́, профессора́* и др.), окончание $\langle =i \rangle$ здесь совсем не употребляется;

2) как равноправная, выступающая рядом с формой на $\langle =i \rangle$ (ср. *тра́кторы – тракторá, го́ды – годá, договóры – договорá, инспéкторы – инспекторá, óтпуски – отпускá, прожéкторы – прожекторá, реда́кторы – редакторá, слéсари – слесаря́, то́кари – токаря́, то́поли – тополя́, то́мы – томá, цéхи – цехá* и др.), причем форма на $\langle =i \rangle$ свойственна книжной, преимущественно письменной речи, а форма на $\langle =a \rangle$ – устно-разговорной, иногда профессиональной речи, однако в наше время она весьма продуктивна и становится межстилевой; параллельная им форма на $\langle =i \rangle$ приобретает иногда оттенок устарелости (ср. *óтпуски, то́мы, то́поли* и др.);

3) как вариантная, при этом обычно имеет место семантическая или стилистическая дифференциация флексий на $\langle =i \rangle$ и на $\langle =a \rangle$. Так, при вариантных формах различаются значения. Ср.: *хле́бы* (печеные буханки) × *хлебá* (злаки); *цвёты* (растения) × *цветá* (окраски); *мéхи* (кузнечные) × *мехá* (выделанные шкуры); *óбразы* (литературно-художественные) × *образá* (иконы); *прóводы* (кого-нибудь при отъезде) × *проводá* (электрическая проволока); *ла́гери* (общественно-политические) × *лагеря́* (воен-

ные, туристические); *сѣболи* (животные) × *соболя́* (меха); *сѣты* (прибор) × *счета́* (документы); *ѡрдены* (монашеские или рыцарские) × *ордена́* (знаки награды). Попутно можно указать на различие значений при другом соотношении окончаний. Ср.: *зѣбы* (у животных) × *зѣбья* (у пилы, у бороны); *кѡрни* (у растений) × *корѣнья* (овощи); *листы́* (в книге) × *листья́* (на дереве). Со стилистическим оттенком торжественности, принадлежности употребляются формы вроде *сыны́* (родины), *учѣтели* („глава учения, имеющий последователей“) × *сыновья́* (у родителей), *учителя́* (в школе). Из приведенных примеров следует, что параллельное употребление окончаний на *<=i>* и *<=a>* привело к развитию семантических различий (ср. Кротова – Собинникова, 1987, 48). В профессиональной речи широко употребляется форма на *<=a>* от существительных-названий механизмов и их частей (ср. *промысла́*, *корма́*, *шницеля́*, *вентилѣя́*, *дизеля́*, *танкера́*), далее названий профессий и специальностей (ср.: *боцмана́*, *лоцмана́*, *мичмана́*, *штурмана́*). Она противопоставлена общеупотребительной флексии на *<=i>*.

Число форм существительных на *<=a>*, вытеснивших параллельную форму на *<=i>*, быстро увеличивается вследствие влияния на литературный язык разговорной речи и профессиональных стилей языка (ср. Валгина, 2003, 172-175).

ЛИТЕРАТУРА

- Булаховский, Л. А.: *Русский литературный язык первой половины XIX века*. Москва, Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения, 1954.
- Валгина, Н. С.: *Активные процессы в современном русском языке*. Учебное пособие для студентов вузов. Москва, „Логос“, 2003.
- Валгина, Н. С. – Розенталь, Д. Э. – Фомина, М. И.: *Современный русский язык*. Изд. шестое, переработанное и дополненное. Москва, „Логос“, 2001.
- Виноградов, В. В.: *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Изд. второе. Москва, „Высшая школа“, 1972.
- Горбачевич, К. С.: *Изменения норм русского литературного языка*. Ленинград, „Просвещение“, 1971.
- Горбачевич, К. С.: *Вариантность слова и языковая норма*. Ленинград, „Наука“, 1978.
- Домин, Я.: *К вопросу о вариантных формах имен существительных*. РЯШ, 1963, № 5, 18-22.
- Иванов, В. В.: *Историческая грамматика русского языка*. Москва, „Просвещение“, 1983.
- Иванов, В. В. – Потиха, З. А.: *Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе*. Москва, „Просвещение“, 1985.
- Кротова, В. Н. – Собинникова, В. И.: *Историческое комментирование фонетики и грамматики русского языка*. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 1987.
- Розенталь, Д. Э. – Теленкова, М. А.: *Практическая стилистика русского языка*. Москва, „Русский язык“, 1976.
- Соколова, М. А.: *Очерки по исторической грамматике русского языка*. Ленинград, Изд-во Ленинградского университета, 1962.

- Успенский, Б. А.: *Часть и целое в русской грамматике*. Москва, „Языки славянской культуры“, 2004.
- ШАХМАТОВ, А. А.: *Синтаксис русского языка*. Ленинград, „Учпедгиз“, 1941.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.): *Русская грамматика I*. Москва, „Наука“, 1980.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. – ЛОПАТИН, В. В. (ред.): *Русская грамматика*. Изд. второе, исправленное. Москва, „Русский язык“, 1990.
- ЯНОВИЧ, Е. И.: *Историческая грамматика русского языка*. Минск, Изд-во „Университетское“, 1986.

VARIANTNÍ PÁDOVÉ KONCOVKY U RUSKÝCH MASKULIN V *Gsg*, *Lsg*, *Npl*

Současnou ruštinu charakterizuje množství stylistických a gramatických variant, paralelních, synonymických tvarů. Spisovnou normalizací vyžadují některé formy v oblasti tvarosloví. Velký zájem lingvistů vzbuzují zejména paralelní podoby *Gsg* a *Lsg* maskulin. Při zkoumání těchto dílčích jevů je třeba si uvědomit, že spisovná norma a jazyková kultura jsou záležitosti diachronie, které se mění v průběhu historického vývoje jazyka. Obdobné povahy, i když jiného původu, jsou změny, které proběhly a nadále probíhají u maskulin v *Npl*. Výskyt a fungování těchto tvarů osvětlují příslušné oddíly v pracích, které se věnují popisu historické gramatiky ruštiny.

V příspěvku se rozebírají variantní podoby *Gsg*, *Lsg* a *Npl* u ruských maskulin s přihlédnutím k jejich sémantickému a stylistickému fungování v současném jazyce.

Aleš Brandner
Ústav slavistiky
Filozofická fakulta Masarykovy univerzity
Arna Nováka 1
602 00 Brno

